

НЕ ПОДЖУМНЫМ

Юрий Бондарев

Каждая встреча с любимым писателем на страницах нашего еженедельника вызывает поток писем. Читатели просят возобновить диалог, задать вопросы неожиданные и разные, но подлинный интерес к литературе. Вопросы Героя Социалистического Труда Юрию Васильевичу БОНДАРЕВУ задают в сегодняшнем полере «Литературной России» сами читатели — трудящиеся Ставропольского края, с которыми Юрий Васильевич встречался на прошедших недавно Днях литературы. Наш корреспондент Евгений НЕКРАСОВ записал его ответы на наиболее характерные из этих вопросов.

— Как вы относитесь к спору «физиков» и «литриков»? Не терпят ли в наш технический век своего значения литература и искусство?

— Действительно, можно ли жить без литературы? Наверное, можно. Однако это будет половина жизни, то есть человек познает мир чувств только наполовину.

Искусство не может заменить исторического опыта так же, как опыт не претендует заменить книгу, но литература и опыт неразделимы. После того, как вы прочитаете серьезную книгу, вы обогащаетесь невольно, даже порой не сознавая этого. Философия объясняет мир, литература — познает, и познает самое главное — душу человека.

Каждый из нас наделен сознанием и памятью не просто для того, чтобы есть, пить, спать, искать удовольствия. Нет, для чего-то большего мы пришли на этот свет. Без веры, совести, любви, борьбы, мужества, без духовной жизни человек превращается в заживо гниющего, в машину потребления.

Современная техника достигла невероятных возможностей, она может совершить чудеса, но построить человеческую душу бессильна. Техника не способна сделать нас добрее, умнее, совестливее — предложить нам те качества, что делают человека.

Строит человеческую душу литература, она ее, потерянную, заблудшую, и ищет, и хочет вернуть ее. Обедневшую в логоне за вещами, за удовлетворением своих желаний в эпоху безумной цивилизации потребления, преступно грабящей землю и почти ничего не дающей ей.

— Расскажите о писательском труде. Какими качествами должен обладать писатель?

— Тот, кто занимается литературой, должен со многим распрощаться в этой жизни: полной соблазнами, — работа писателя не прекращается никогда: ни в субботу, ни в воскресные дни, ни в дни так называемого отдыха. Серьезный писатель с особенной остротой чувствует три временных категории: вчера, сегодня, завтра, то есть прошлое, настоящее, будущее, — поэтому прожитый впустую день уходит во вчера; в прошлое, и невозможно ни повторить его, ни вернуть его потерянную энергию. Вся жизнь писателя — только в работе.

— Существует ли любовь? Как вы относитесь к любви и каков место занимает она в вашем творчестве?

— Вот что удивительно — в последние годы на моих встречах с читателями таких вопросов почти не задавалось. Пожалуй, слово «любовь» переместилось в наш лексикон на... Давайте вспомним, какие слова у нас на памяти: мир, политика, атомная бомба, земля, перестройка... Слово «любовь» стоит, вероятно, на месте десятком — пятнадцатом. И все-таки, если бы не было этого прекрасного, первородного чувства, свойственного всему живущему, дыхание жизни на этой планете прекратилось бы. Любовь — наивысший закон, который существует во всей вселенной. Все движение, изменение, обновление на земле происходит под влиянием притяжения и отталкивания, плюса и минуса, «да» и «нет» — под силой любви и ненависти. Любовь к своему родному дому, к матери, к отцу, к жене, к детям, любовь к добру и любовь к самой любви — это чувство лишено всякой выгоды. Мать может пожертвовать жизнью ради своего ребенка. Защищая родину, люди гибнут на полях сражений, совершают подвиги. Любовь творит и правит, создаются гени-

альная живопись, великие книги делаются открытия, совершаются героические поступки — все самое важное, радостное и трагическое связано с этим чувством. Стоит ему исчезнуть, обмануться, изгнаться — и погублен источник света.

— Как вы сочетаете литературный труд с выполнением депутатских обязанностей? Мешает ли это или наоборот, помогает вам как писателю?

— Депутатская работа дает возможность непосредственного общения с людьми. Я стараюсь по мере сил помогать людям — ведь каждый порой беззащитен и нуждается в помощи друга, в этом я абсолютно убежден.

— Вы были участником последнего пленума ЦП СССР. Какие проблемы перед вами выдвинули как основные? Что нового внес пленум в общее направление развития советской литературы, ведь она существует в новых условиях?

— Пленум закончился, мягко говоря, утверждением сил добрых, хотя и было опасение, что широко размахнутся рукава не конструктивной, а разрушительной критики и начнется бой без перемирья. Но ряд известных писателей выступили с заботой о проблемах насущных, а не названных групповой тенденцией, и возникло состояние надежды. На этом пленуме победил реализм художников, что верят в литературу как в искусство познания жизни. — Ее боли, ее правды, — а не в искусство сенсационного литературного фельетона.

— Расскажите, пожалуйста, как возник замысел романа «Выбор»?

— Когда-то был у меня друг детства, который являлся для меня неким образцом — сильный, уверенный в себе, по-настоящему самостоятельный, он занимался спортом, прочел горы книг, знал наизусть множество стихов. В начале войны он ушел в ополчение и пропал без вести. Я долго искал его следы в послевоенные годы. Потом узнал, что немцы расстреляли несколько тысяч окруженных ополченцев на Минском шоссе. Погиб ли он вместе с ними или попал в плен — не знаю. Бывая за границей, я никак не мог отделаться от мысли, что он не погиб и что в каком-нибудь чужом заморском городе встретил его, увижу в толпе его пронзительно-синие глаза.

Нет, своего друга детства я не встретил, но встречал других, похожих и непохожих, когда-то попавших в плен. Так возник замысел романа «Выбор».

— В этом романе происходит разговор художника Васильева с итальянским критиком Бодарелли об интеллектуалах. И все герои вашего романа — интеллектуалы. Некоторые критики даже писали, что в «Выборе» и «Игре» вы хотели изобразить интеллектуалов в невыгодном свете. Так ли это?

— Противопоставление интеллектуала неинтеллектуалу для меня чуждо. Настоящий интеллигентный человек тот, кто мыслями и делами своими связан с народом, с его историей, бедами и надеждами. Человек, оторвавшийся от земли, существует в душевной пустоте, тогда — от индивидуализма один шаг к фарисейству. Поэтому бабушка из «Детства» Горького или, скажем, Дон-Кихот Ламанчский — оба интеллектуала в моем понимании. Есть дорогая мне особенность у них, интеллектуалов. Они — выразители духа и совести, говоря высоким стилем, а значит — люди, болеющие болью народа и живущие чаяниями его. Учась у народа, великого учителя, и осмыслив мир с помощью науки, достигнутых знаний, всего того, чего не знала бабушка Горького, истинная интеллигенция сообщает своему великому учителю и новые передовые мысли, новые идеи, исповедуя при этом непоколебимую старейшую, вечную, народную добродетель — нравственность.

Помните? «Вперед на бой в борьбу со тьмой» — эту пустую пышную фразу высмеял еще Чехов. Нужно действовать, но не эстрадно, не демонстрировать широчайших жестов. Наверное, самое небесплодное — это осмысление реальности и принятие решения нравственного порядка. У одних прожитая жизнь — биография событий, у других — биография мыслей, а это не меньше. Так что у меня не было ни малейшего желания показать интеллигенцию в невыгодном свете. Но я не имел права изображать своих героев безупречными: литература кончается, когда писатель вычерчивает характеры подобно архитектуре.

— Вас критика еще упрекала в том, что ваши герои-интеллигенты занимаются самоанализом и даже самоопланием. Вы согласны с этим?

— Существует такое понятие в литературе: жест. Жест — это предопределение глагола, мгновение перед высказанной

ПИСАТЬ И ВРЕМЯ

мыслью, перед поступком или же — после поступка. Не стоит в слово «самоанализ» и даже «самооплание» вкладывать уничижительный смысл. Будем говорить «рефлексия», Рефлексирующий герой — это неравнодушный человек, который хочет понять и познать людей, весь божий свет, найти высокий смысл жизни, хотя другие, не желающие думать, разумеется, могут обойтись и без этого. Глагол — это уже действие, но прежде надо осознать его через мысль и чувство. Потом — поступок. Рефлексирующих людей я встречал немало и на войне, и в мирной жизни — солдат, офицеров, инженеров, геологов, ученых, наделенных ценнейшей способностью сопоставлять явления, сомневаться, вести спор с собой, обдумывать свои решения, возможные варианты в обстоятельствах критических.

Многие самые серьезные, почти преступные ошибки в нашей жизни были совершены потому, что не было все до конца обдуманно и продумано, не были учтены так называемые математические ожидания — несовершенство равнинных гидростанций, затопление плодородных земель, загрязнение Байкала, драма Кременчугского и Рыбинского морей, Цимлянского водохранилища, Севана, Ладожского озера, Арала, Волги, Днепра, трагедия Чернобыльской АЭС...

Думаю, что нас ожидают трагические последствия, если мы, исповедуя зловещую формулу безудержных администраторов от науки и министерств «авось, небось да как-нибудь», перегорим суперплотинами, «смирим», «покорим» бесподобный Енисей, несравненную по красоте Катунь и другие сибирские реки, которые уже как бы «задействованы» в беспечальных и легкомысленных кабинетах научно-исследовательских институтов. Впрочем, мы ушли от вопроса, но жизнь выше литературы...

— Объясните, пожалуйста, было ли предательство Рамзина, одного из героев романа «Выбор», плодом случайных обстоятельств или оно вытекло из нем данно?

— В каждом человеке скрыто нечто такое, что при стечении обстоятельств может проявиться или подвигом, или непоправимой бедой. Сложись события несколько иначе, и Рамзин вернулся бы с войны великодушным боевым офицером, увешанным орденами. Разве Рамзин предатель? Вы хотите простого ответа? Рамзин — жертва трагических обстоятельств. Эта фигура незаурядная, сильная, волевая, и проверяется она на исходе грешной жизни раскаянием. И он проходит эту главную проверку с достоинством. Он сделал свой выбор, когда решил умереть на родной земле. Другого выхода у него не было.

— Не слишком ли жестоко вы поступили с Рамзином, так сурово наказав его?

— На я его наказал. Такие люди, как Рамзин, принимают решения самостоятельно.

— Что вы думаете о современном добром человеке?

— Добрым человеком называют того, кто наделен доброй волей. Человек, творческий добро... Добродетель — это мужество, справедливость, разумение, здравомыслие, труд. Добрый человек совестливый, то есть он умеет различать величие добра и низость зла, способен чувствовать боль ближнего, испытывать стыд и то состояние, которое мы называем угрызением совести. Доброта и умиление — не синонимы, между ними нет ничего общего. Разумеется, сила в доброте, а не доброта в силе. Доброта приносит в нашу жизнь положительное начало. Доброта не разрушает, а строит. Она прощает и любит, понимает и жалует. Доброта милосердна.

— Если честолюбие связано с карьерой,

где человек, беспощадно освобождая для себя место на ступенях общественной лестницы, плечами и локтями расталкивает вокруг себя конкурентов, соперников, то это, конечно, отвергает понятие доброты, о которой мы с вами говорили. Если же честолюбие связано с полезной деятельностью человека, лишеного порока эгоизма, то тогда оно, честолюбие, имеет строительные качества. В наше время, так или иначе, человек хочет полнее выразить и утвердить себя, стать уважаемым людьми личностью.

— Есть общечеловеческие понятия: «гомо сапиенс» — человек разумный, «гомо моралис» — человек нравственный, «гомо героикус» — человек героический, «гомо либос» — человек играющий и, наконец, «гомо фабер» — человек работающий.

— Все предметное и вещное в мире, все, что мы с вами видим, создано руками человека, его духовной деятельностью, его познавательными усилиями. Мы говорим «труд», «труженики», «работы», «дело», говорим это привычно, почти не задумываясь, что говорим о самом главном, наиважнейшем в жизни. Издавна влечение к труду определяется стремлением человека утвердить себя в своем умении и совершенстве. И это извечное стремление к утверждению себя и независимости, рождает и хлеб, и прекрасные произведения искусства, и необходимые нам вещи в предметном мире. Однако о каком совершенстве может идти речь, коль человек выбрал себе труд, в котором он не в силах вывить свои способности. Мы говорим о равенстве перед трудом как о завоевании социализма, но у каждого из нас есть собственные, данные ему природой способности, которые подчас он сам до конца не может обнаружить. Профессию же выбирают нередко случайно. Еще в школе молодым нужно что-то выбирать и что-то делать с собой на перекрестке жизни, и тогда в торопливой необдуманности они совершают горькие ошибки как в городе, так и в деревне.

— А как вы видите современный город?

— Современные города растут, а деревня становится все малолюднее. За последние 15 лет сельское население в России уменьшилось на 20 процентов. Видимо, это закономерность и беда «технологического» периода, безостановочной сверхиндустриализации, когда город жадно притягивает к себе людей. Но мне кажется, что не очень долго прогресс будет находиться в этом не совсем естественном состоянии. Придет срок — и начнется бурный отток из больших городов всего мира в деревню, к земле, к траве, к солнцу, к естественному бытию, к природе. Все в мире движется по законам периодов, и быть может, в XXI веке большие города начнут вымирать, как вымирали когда-то мамонты. Так или иначе, почти 60 процентов населения живет в городах с их угнетающей, на приспособленной для человеческого уюта архитектурой, так называемой современной, многоквартирной, многоярусной, казалась бы, призванной сделать быт удобным для человека, но в то же время неудобной, душевной, холодной, когда нет улиц, а есть лишь отдельные дома, спальни людей. Еще не найдены совершенные архитектурные формы, разумные объемы, новые города (за исключением некоторых средиземноморских) лишены красоты, гармонии, радости, тепла — и современному горожанину в современном городе подчас одиноко, хотя вокруг толпы людей, свет, движение, переполненные автобусы, рекламы. И постепенно возникает отчуждение человека от человека, одиночество в толпе, где никому нет ни до кого дела.

— Западный индивидуализм XX века заявляет: человек — остров. И этой формулой ведет давний спор с просветителями, утверждавшими, что человек — это не остров, а часть континента. Произошел удивительный процесс с ведами и с человеком, если говорить об отчуждении людей. И в нашем обществе потребности вещи вместо своего прежнего положения слуг стали господами, вытесняя из хозяев душу, и произошло, я бы сказал, овещствление человека и очеловечивание вещей.

— Почему гибнет Крымов? Вам не жалко его?

— Жалко. Посмотрим на дело серьезно.

— Вы можете персонаж полюбить либо не полюбить, в зависимости от вашего представления и опыта. Но надо постараться понять, почему судьба литературного героя такая, а не другая. Если бы, допустим, Никитин, Васильев и Крымов были поголовно счастливы — они что, всем понравились бы? Вряд ли. В литературе интересно только свое, выстраданное. Нравятся вам или не нравятся герои Шолохова, Леонова, Булгакова — ваше право. Но это их герои, их мысли, их чувства, их муки.

— Почему вы думаете сейчас о Шолохове?

— Когда во всем мире идет открытая и тайная технологическая война против естественности человеческих чувств, имя Шолохова, утвердившего очарование и красоту человека, стало особенно значительным.

— В дневнике Бунина есть такая, запомнившаяся мне запись: «Талант талантом, но всякая сосенка своему бору должна шуметь. Где мой бор?»

— О каком бы времени я ни писал — о войне или современности, о солдатах или интеллигенции, — я, в сущности, горожанин, отличающийся от Шолохова по стилю, по характерам героев, по ритму жизни, все чаще думаю о его алмазном таланте, о вселенской и национальной правде, высказанной в самой мудрой, самой трагической, самой глобальной книге XX века «Тихий Дон», и хочу верить, что и мой бор — боль и правда нашего многострадального, доброго, сердечного народа.

— В Пятигорске вы были в доме-музее М. Ю. Лермонтова. Какими сторонами своего творчества Лермонтов близок вам? Как вы относитесь к распространенному мнению, будто он был неуживчивым человеком?

— Он близок мне очень. Чем? Кто может исчерпывающе объяснить, чем близки каждому весна, лето, осень, зима? Все объяснения будут неточны. Уверен, что «Герой нашего времени» оказал влияние на всю нашу русскую прозу своей поразительной культурой чувств и мыслей, соединением ткани мыслительной с описательной, что является наивысшим мастерством. Влияние его на развитие русского романа, наверное, гораздо значительнее, чем влияние прозы Пушкина с его фразой глагольной. Кстати, рассказ «Тамань» — прекрасный рассказ, однако, по-моему, не лучший, как это принято считать. Лермонтов — гений интимного чувства и огромной мысли.

— Что касается неуживчивости Лермонтова, то никогда не стоит прислушиваться к тому, что исходит из литературных коридоров, так как в суждениях «образованных» мешают от литературы неискоренимое желание снизить ценность любого таланта. Еще не все поставлено на свои места в лермонтоведении, еще нет достойного исследования.

— «Отлагательная» литература тоже имеет право на существование. Не называете ли вы современной литературе свою форму?

— Если бы я не избавился от той формы, которую мне когда-то внушали в молодости, я бы ничего не написал, кроме лирических рассказов житейского свойства. Впрочем, переиначивая слова Бюффона, можно сказать: «Моя форма — это я».

— Что самое близкое и дорогое для вас из «Мгновений»?

— Близко все.

— В магазине нечасто можно купить хорошую книгу, в том числе и яшу. Каковы причины «книжного голода» и чем вы могли бы помочь читателям?

— К сожалению, и большие тиражи недостаточны для нашего пока еще много читающего народа. Даже такое популярное издание, как «Роман-газета» с его 2,5-миллионным тиражом не может насытить так называемый книжный рынок. Может быть, эту проблему решит возникшая сейчас в Госкомиздате программа, которая заключается в том, чтобы больше и чаще издавать пользующиеся спросом книги.

— Над чем вы сейчас работаете?

— В Малом театре режиссер В. А. Андреев репетирует пьесу «Игра». Кинорежиссер Владимир Наумов заканчивает съемки фильма по роману «Выбор». Уже два года я работаю над новым романом о нашем времени. И продолжаю «Мгновения».

— Почему все-таки в наш век нет нового Льва Толстого, Лермонтова, Пушкина?

— Пожалуй, рискованно объявлять, что среди наших современников нет больших писателей. Должно пройти время, чтобы те или иные произведения получили глубокие осмысление и признание. Что же касается критики, задача которой и есть осмысление литературы, то нигде не совершалось таких вопиющих, а подчас и трагических ошибок, как в ней.

— После выхода «Войны и мира» критика писала, что роман представляет «ряд возмутительных грязных сцен», книгу «салонную», «придворную», которая «заслуживает величайшего презрения», что Пьер Безухов, Андрей Болконский, Наташа — фигуры картонные, лишены художественной значимости; после выхода «Казак» — что писатель не знает жизни, после опубликования «Анны Карениной» — что это «беллетристический вздор», «скандальная пустота содержания», «художественный теоретизм». Более того, охранители, завистники, ниспровергатели говорили, что Толстой сблизился с «евеликовской» теорией «чистого искусства», пишет эстетски и барствено, понижая «нравственный уровень общества».

Подобной критике подвергалась почти вся наша классика — Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Гончаров, Лесков, Чехов, — почти все величайшие гении, гордость нашей культуры.

Вот почему к литературной критике во все времена следует относиться чрезвычайно осторожно. Самый неподкупный судья — время, а не сиомиунный приговор. Время — Верховный судья художников, и только перед ним беззащитно стоит писатель, как перед вечностью.